

МЕТОДОЛОГІЯ ТЕОРІЇ І ПРАКТИКИ ЮРИСПРУДЕНЦІЇ

УДК 340.5

М. Дамирли,

доктор юридических наук, професор кафедри права Європейського Союзу і порівняльного правознавства Національного університету «Одеська юридическа академія»

ОБЪЕКТ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ КАК КОМПЛЕКСНОЙ НАУКИ

Безусловно, научно обоснованное определение предмета науки занимает центральное место в каждой науке, ибо от успешного решения этой задачи зависит обеспечение результативности данной науки и плодотворности проводимых в ее рамках исследований. Но для более точного определения предмета науки исходной точкой является выделение объекта науки, что обусловлено опосредованностью предмета науки через его объект. Теоретико-методологическое значение выделения помимо предмета науки ее объекта состоит также в том, что объект науки является основой для дифференциации и установления соотношения отдельных родственных наук, поскольку разграничение последних происходит, в первую очередь, на уровне объекта науки.

Эта проблема актуальна и для сравнительного правоведения, где характерным является не выделение, а, наоборот, отождествление предмета сравнительно-правовой науки с ее объектом, а нередко — с объектом сравнительно-правовых исследований. Ученые, отождествляющие предмет сравнительно-правовой науки с ее объектом, ограничиваются лишь указанием в качестве такового на правовую реальность или на правовую систему разных стран мира. Неверным, на мой взгляд, является также отождествление предмета или объекта сравнительно-правовой науки с кругом объектов сравнитель-

но-правовых исследований (Ю. А. Тихомиров) [1, 41], предмета сравнительно-правовых исследований с объектом этих исследований (Е. Врублевски) [2, 143–147]. В этих случаях допускается ошибка относительно соотношений объекта науки, предмета науки, объекта научного исследования и предмета научного исследования.

Вопрос об объекте и предмете науки и их соотношении ранее был предметом исследования автора этих строк [3, 135–152], основные положения которого в сжатом виде могут быть сформулированы следующим образом. Объект науки — это то, на что направлено научное познание, а именно — качественно определенный «срез» объективной реальности: явление, событие, процесс или фрагмент этой реальности; а предмет науки — это то, что в объекте познается, подлежит изучению, постоянно находится в процессе научного познания, а именно — определенная целостная совокупность наиболее существенных аспектов, сторон, свойств и закономерностей объекта, заданных специфическим ракурсом его рассмотрения. Важно заметить, что в случаях полного или частичного совпадения объектов отдельных наук для отграничения их предметов решающую роль играет именно специфический ракурс рассмотрения объекта. Объект и предмет науки тесно взаимосвязаны, между ними имеются отношения определенного соответствия: предмет науки

находится в рамках объекта науки. Но в то же время они не тождественны. Предмет науки не совпадает с объектом науки полностью, не охватывает его целиком, то есть существуют отдельные стороны, аспекты объекта, не входящие в предмет науки на определенном этапе ее развития, но охватываемые предметом отдельные стороны, аспекты, не входящие в объект данной науки, невозможны; в этом плане объект науки шире ее предмета.

Другим недостатком в связи с обсуждаемой проблемой, наблюдаемым в юридической литературе, является неразличение, замена или смешение объекта науки и объекта исследования, с одной стороны, предмета науки и предмета исследования — с другой. Тем не менее, разграничение этих понятий имеет важное значение: поскольку любое конкретное исследование не в состоянии охватить объект (и предмет) науки в целом, постольку в нем (конкретном исследовании) формулировка объекта и предмета исследования является очень важным моментом: от четкого установления этих компонентов зависит во многом успех проводимого исследования. Следует отметить, что объект и предмет науки, с одной стороны, и объект и предмет исследования — с другой, соотносятся между собой как целое и часть: объект научного исследования вычленяется из объекта науки, а предмет научного исследования — из предмета науки. Поэтому на характеристику объекта и предмета исследования распространяются, в известной степени, общие характеристики соответственно объекта и предмета науки, но лишь с той разницей, что границы здесь устанавливаются исследователем. Отсюда: объект научного исследования — это часть объекта науки (явление, событие, процесс или фрагмент объективной реальности), связанная с проблемной ситуацией и избранная для конкретного исследования с целью получения научных знаний о ней, а предмет научного исследования — это выделенные существенные аспекты, стороны, свойства и закономерности в избранном для конкретного исследова-

ния объекте, заданные специфическим ракурсом его рассмотрения.

Еще одно уточнение. Поскольку правовая реальность представляет собой структурно сложный комплекс, многоуровневое образование, постольку ее изучение (в том числе сравнительно-правовое) тоже имеет разные уровни. Следовательно, сравнительное правоведение как комплексная наука включает в себя систему отдельных сравнительно-правовых научных дисциплин с присущими им объектами (и предметами), которые являются срезами объекта (и предмета) сравнительно-правовой науки в целом. Поэтому резонно сформулировать сначала определения объекта (и предмета) сравнительного правоведения как комплексной науки, а затем на этой основе определить объект (и предмет) отдельных сравнительно-правовых научных дисциплин. В рамках настоящей работы основной задачей является определение объекта сравнительного правоведения как комплексной науки.

Исходя из вышеизложенного и на основе критического анализа существующих подходов к обсуждаемой проблематике можно отметить следующее.

1. При определении объекта сравнительного правоведения некоторые ученые довольствуются лишь указанием в качестве такового на правовую реальность. Безусловно, мы имеем дело со сравнительным правоведением в том случае, когда некая сфера знания содержит суждения о правовой реальности; приходится изучать все, что входит в эту сферу — от целых правовых систем до конкретных правовых явлений. Однако эти, правильные по сути, высказывания не позволяют выявить собственный объект (следовательно, и предмет) сравнительного правоведения, значит, и его «собственную статью», специфику. То, что в самом общем виде объект сравнительного правоведения — это правовая реальность, не вызывает сомнения. Но правовая реальность является общим объектом всех правовых наук. Если объект сравнительного правоведения не отличается от объекта других правовых наук, то резонно ли введение в научный

оборот понятия «объект сравнительного правоведения» и стремление выделить такой объект?

Не является выходом из положения и выделение в качестве объекта особой «сравнительно-правовой реальности», как это делает М. Н. Марченко [4, 26]. В данном случае налицо явное смешение гносеологического с онтологическим, ведь прилагательное «сравнительное» производно от понятия «сравнение», которое является одним из логических приемов познания, иначе говоря, понятием гносеологического порядка.

2. В таких условиях на передний план теоретико-методологических поисков выдвигается вопрос о «единице измерения». Решение проблемы ученые видят в выборе в качестве объекта сравнительного правоведения определенной макроправовой единицы. В качестве таковой рассматриваются самые разные понятия: «правовые традиции», «правовая культура», «правопорядок», «правовая система», «юридический режим» и т.д. Однако из указанных понятий широко распространенным является «правовая система», и это, на мой взгляд, обоснованно, поскольку среди них наиболее четко формализованным является именно данное понятие.

Цель научного познания — получение системного знания об объективной реальности. Системное знание можно получить только об объекте, взятом как система. В связи с этим вполне допустима интерпретация любой науки как системы знаний о более или менее адекватной системе объективной реальности. Поэтому выделение объекта науки предполагает выделение конкретно существующей системы или, по крайней мере, рассмотрение отдельного образования объективной реальности как системы. Сложность, многогранность и в то же время целостность права обуславливают необходимость рассмотрения его как определенной системы. Следовательно, результатом формализации правовой реальности посредством применения системного подхода становится понятие «правовая система», которое представляет собой совокупность ана-

литически вычлененных из правовой реальности взаимосвязанных между собой элементов.

Достоинство теоретической конструкции «правовая система» заключается в том, что она легко операционализируется при классификационных построениях в сравнительном правоведении. Именно эта конструкция позволяет «разложить по полочкам» все многообразные явления правовой реальности. Явления, входящие в правовую систему, в свою очередь, могут быть объединены в относительно целостное образование и создавать самостоятельные объекты, классифицированные по различным признакам. Разделение правовой системы на отдельные подсистемы является объективной основой для их сравнительного исследования.

Понятие «правовая система» имеет более конкретное значение, чем понятия «правовая традиция» и «правовая культура». Современный мир разделен на такие самостоятельные политико-административные территориальные единицы, как государства, в рамках которых функционирует право, получая свое системное оформление как правовая система. Именно на этом уровне право получает свое наиболее глубокое воплощение. Когда сравниваются корреспондирующие отрасли, институты, нормы права, другие правовые явления (например, правопорядок, юридический режим, права человека и т.д.), в качестве объекта они выступают именно как части целого — правовой системы. Даже правовые явления регионального и международного масштаба действуют в основном на уровне национальных правовых систем. Вот почему основной макроправовой единицей для компаративиста-юриста является «национальная правовая система». Однако выдвижение национальной правовой системы в центр сравнительно-правовых исследований не исключает сравнительного изучения других уровней, которые очерчиваются границами регионов (интеграционные правовые системы) или охватывают все государства мира (международно-правовая система). Таким образом, объектом

сравнительного правоведения является ни какая-то одна правовая система, а все правовые системы мира (национальные, интеграционные и международная).

В отличие от правовой системы, правовая традиция и правовая культура не могут быть полноценными таксонами, классификационными единицами. Границы правовых традиций и правовых культур могут совпадать с границами государств, а значит, и национальных правовых систем. Но они могут и не совпадать. Так, возможно существование правовых традиций и правовых культур как субсистем (субтрадиций и субкультур) в рамках одной правовой системы (например, мусульманская правовая культура в рамках правовой системы РФ). Кроме того, существуют и крупные системы традиций и культур, т.е. суперсистемы (в рамках цивилизаций, регионов), охватывающие широкие группы правовых систем, имеющие во многом сходные правовые традиции и правовые культуры (например, западная и восточная традиции права). Между тем особенности суперсистем правовых традиций и культур аккумулируются именно в национальных правовых системах.

Выбор в качестве объекта сравнительного правоведения такой макроправовой единицы, как «правовая система», оправдан еще тем, что одной из важных задач сравнительно-правового познания считается лучшее знание и совершенствование права именно в рамках отдельных правовых систем, в первую очередь, национального права.

3. Безусловно, в правовую систему как объект сравнительного правоведения входят все правовые явления, как элементы этой системы.

Но это высказывание оправдывает себя не в полном объеме в отношении правовых идей, ибо они, как относительно устойчивые типы теоретического дискурса, зачастую не знают ни языковых, ни национальных границ. В поле зрения сравнительного правоведения, в качестве системного образования, они оказываются главным образом не как национальные или региональные явления, а как такие системы теоретико-правовых

идей, как концепции, учения, теории, представленные различными мыслителями, научными школами, течениями. Сказанное, конечно, не означает, что не существуют системы теоретико-правовых идей, сложившиеся на том или ином национальном или региональном уровне, и они не могут быть объектом сравнительно-правовых исследований.

Системные исследования обозначенной сферы, к сожалению, пока отсутствуют. Следовательно, она еще институционально не оформлена, однако достойна в ближайшем будущем стать важным научным направлением сравнительно-правовых исследований.

Для обозначения всех системных объектов сравнительного правоведения (национальные, интеграционные и международная правовые системы, группы национальных правовых систем — правовые семьи, системы теоретико-правовых идей) предлагаю ввести в научный оборот выражение «системные правовые образования».

4. Все указанные системные правовые образования изучаются так или иначе и другими правовыми науками. Возникает естественный вопрос: есть ли такая сфера правовой реальности, которая выступает объектом только сравнительного правоведения, т.е. его специфическим объектом?

Отвечая на поставленный вопрос, отмечу, что бытие права в мировом масштабе отличается пестротой и многообразием: оно конструируется не только из разных системных правовых образований, но и из процессов, выходящих за рамки этих образований, из их пересечений, связей и отношений. Эта сфера может быть названа межсистемной зоной, которая другими правовыми науками не изучается. Но без изучения этой зоны любые построения в правоведении являются скорее расчлененными на отдельные системы знаний, среди которых (и между которыми) пустоты гораздо более многочисленны, чем заполненные места. Эту задачу должно выполнять (и отчасти выполняет в настоящее время) сравнительное правоведение. Стало быть, специфическим объектом сравнительного

правоведения — объектом, который не изучается другими правовыми науками, является такая сфера правовой реальности, как сфера связей и отношений между системными правовыми образованиями, иначе говоря, зона межсистемных правовых связей и отношений.

Итак, все вышеизложенное позволяет предложить следующее определение. Объект сравнительного правоведения как комплексной науки — это такой срез правовой реальности, который включает в себя все системные правовые образования как целое (национальные, интеграционные, международная правовые системы, группы национальных правовых систем — правовые семьи, системы теоретико-правовых идей), их составляющие (отрасли, институты, нормы и другие правовые явления) как части этого целого, а также зону межсистемных правовых связей и отношений.

Ключевые слова: объект сравнительного правоведения, правовая реальность, правовая система, системные правовые образования, система теоретико-правовых идей, зона межсистемных правовых связей и отношений.

В статье рассматриваются проблемы определения объекта сравнительного правоведения. Актуализируя проблему комплексного определения объекта современного сравнительного правоведения, автор

обосновывает собственный подход к ее разрешению.

У статті розглядаються проблеми визначення об'єкта порівняльного правознавства. Актуалізуючи проблему комплексного визначення об'єкта сучасного порівняльного правознавства, автор обґрунтовує власний підхід до її вирішення.

The problems of defining of the object of comparative jurisprudence are examined in the article. Actualizing the problem of complex defining of the object of modern comparative jurisprudence, the author grounds his own approach to its solution.

Литература

1. Тихомиров Ю. А. Курс сравнительного правоведения / Ю. А. Тихомиров. — М. : Норма, 1996. — 432 с.
2. Врублевски Е. Методологические проблемы сравнительного анализа правовых систем / Е. Врублевски // Сравнительное правоведение / отв. ред. В. А. Туманов. — М., 1978. — С. 142–155.
3. Дамирли М. А. Право и История: эпистемологические проблемы (Опыт комплексного исследования проблем предмета и структуры историко-правового познания) / М. А. Дамирли. — СПб. : Изд-во СПбГУ, 2002. — 456 с.
4. Марченко М. Н. Курс сравнительного правоведения / М. Н. Марченко. — М. : ООО «Городец-издат», 2002. — 1068 с.